

Заключительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

По-моему, мы сегодня обсуждали весьма актуальную тему, которая имеет прямое отношение к кризисному состоянию современного мира, к переживаемому человечеством социальному транзиту — движению (как и было сказано докладчиком) от чего-то более или менее определенного к чему-то, что на сегодняшний день даже не имеет общепризнанного имени.

В сущности то, что нам изложил сегодня В.Э. Багдасарян, это концептуальный взгляд на постсовременность, т. е. на Постмодерн. Нам было предложено определенное прочтение постмодерна — и того, что вроде бы уже наступает за эпохой Модерна, и того, что хочется, чтобы наступило.

В представленных докладчиком схемах наличествует три квадрата: а) традиционность, б) модерн и в) нечто третье — т. е. состояние постмодерна. В принципе элементы подобного подхода мне близки, поскольку, размышляя на данную тему, я также акцентирую понятие синергии.

Представляется, что выход для современного человека и человечества заключен в синергии между, если угодно, промыслом и человеком. И если подобный синергийный баланс был бы найден, то, возможно, нашли бы гармоничное разрешение ряда проблем. Если же он не будет найден, то возможны многочисленные деструктивные следствия нынешней сложной и продолжающейся усложняться ситуации.

Что же касается изложения доклада, то хотелось бы обратить внимание на необходимость более корректного употребления сложившихся дисциплинарных понятий. Когда в докладе, скажем, описывается Модерн, Модернити, то подчас возникает ощущение, что имеет место изложение не характерных черт этой эпохи, а нечто окарикатуренное, т. е.

тенденциозно упрощенное и, в результате, многое остается вне предложенного рассуждения.

У современности, безусловно, масса проблем, противоречий, негативных сторон, как, впрочем, и у любого человеческого жизнеустройства. Проблем, которые во многом и обусловили современный кризис. Но модерн — это целостная эпоха, имеющая свою систему ценностей, идеологию, духовность, политические и экономические механизмы, структуры повседневности. Это целостная программа жизненного устройства: «новое общественное политическое устройство» (Мейфлаурская декларация), «новый мир», «новое мышление и новый человек» — все эти определения существовали в политическом обиходе уже в XVII–XVIII вв. и особенно активно употреблялись во время Американской и Великой французской революций...

Действительно, идеи правят миром, выстраивают человека и среду его общения, обитания. Когда же изменяется ментальность, то меняется и окружающая его действительность. Что происходило во время этого переворота? Ибо это был исторический переворот: традиционализм — это был один целостный взгляд на мир, современность — другой. Содержание этотранзита — переход от общины к личности, от иерархического сословия к политическому равенству, от подданства к гражданству.

Что же касается религиозных традиций — переход от собственно религии к чему-то иному, по отношению к чему слово «религия» оказывается не вполне адекватным. Категория «религии» выстраивает некий кластер культов — некий метафизический порядок (характерна сама этимология данного слова), в то время как христианская доктрина постулирует совершенно новый статус человека как личности, свободной личности, свободно избирающей мировоззренческие горизонты и судьбу. Современность формализует свободу совести человека и реализует свободу вероисповедания. Поэтому я решился на столь странное, на первый взгляд, утвержде-

ние, что религия оказывается не вполне соответствующим в данном случае словом, хотя при этом и не отрицается религиозное содержание. И именно поэтому принято в ряде случаев употреблять слово «конфессия», а не «религия».

Что, однако же, происходит на дальних рубежах современности, если сузить рамку и попытаться определить проросшее зерно переворота? Появляется человеческая личность, которая в мире традиционной культуры отсутствует. И еще происходит размыкание мира, уничтожается тот запрет на будущее, который существует в традиционном мире. Утопия — одно из проявлений этого размыкания мира...

Но в чем же заключена та проблема, которая обусловила со временем острый кризис культуры Модернити? В ее истоках со-существуют две антропологические модели, внутренне противоречивые, антиномийные — здесь я соглашусь с Ю.А. Красиным, — которые пребывают меж собою в постоянном споре. И раннее, но вполне отчетливое проявление данного спора — спор Пелагия и Августина: спор о природе зла и о природе человека. А в процессе выстраивания конструкций модерна этот же спор продолжают, к примеру, Паскаль и Руссо. Является ли «естественный человек» изначально добрым или он существо, коренным образом испорченное? Это, пожалуй, основная проблема человека, а, соответственно, всего общества, которое он создает. Проблема сохраняется также на метафизическом уровне.

Трудно примирить и даже совместить эти точки зрения. А ведь ситуация усложняется поиском ее истоков и спорами о неравенстве и его исправлении (вспомним ценностный слоган эпохи: «свобода, равенство, братство»). Но в рассматриваемом контексте нам все-таки важна не победа в историческом времени точки зрения Руссо. Отсюда — рождались социальные проекты и утопии. И невозможность реализации утопии, этого продукта стерильного разума. И революции, полагавшиеся на изначально добрую природу человека, порождали гекатомбы. Эта проблема также наших дней —

мира после ГУЛАГа, Освенцима и Пол Пота. Неслучайно высказывание кого-то из китайских лидеров, брошенное им в ответ на вопрос о значении Великой Французской революции и воспроизводимое как своего рода шутка: «Слишком мало еще прошло времени, чтобы судить об этом».

Сейчас мы переживаем приближение к новой эпохальной трансформации, и именно эту историческую ситуацию определяем как предвестие новой эпохи, т. е. эпохи *после*-модерна. Футуристические модели традиционно строятся на основе мотивированного предположения и уточняются в процессе критичного диалога. Парадигма прогресса зиждется на еще более основательном фундаменте — парадигме Разума. Проблема совмещения добра и зла в человеке решается рассудочным образом, и даже когда привлекается инструментарий герменевтики, интуитивно предполагается, что такое решение возможно. Но ведь, в сущности, спор, о котором я говорю, этот вечный спор — это проблема не языка. Она метафизична, у нее есть масса следствий, выходящих за нашу тему: скажем, проблема предопределения. Или проблема генезиса новой целостной системы ценностей.

Думаю, упрощения при рассмотрении этой злободневной проблемы — новизны и инакости возникающего мира — приводит лишь к симуляции результата. Чтобы не быть голословным, приведу пример: порою, когда в тексте употребляется слово «синергия», на деле автор имеет в виду не синергию, а синкретизм. Данная особенность доклада наглядно проявилась в рассуждении о религиозности (см. таблицу соответствующих, «гармоничных» сочетаний конфессий). Для меня представление православия, сочетающегося (причем, в позитивном залоге) с язычеством (в таблице — с буддизмом) — это химера, и именно в прямом значении этого слова. Здесь опять-таки наглядно проявляется постмодернистская природа концепции, потому что синкретизм — это как раз то, что столь характерно для постмодернистских (уже в более узком смысле этого понятия) штудий.

Итак, мне понравилась постановка проблемы, понравилось использование понятия синергии, я нахожу его плодотворным. Но меня смутила та синкретичная реализация исторической ситуации, которая представлена в тексте, в особенности, когда это касается ценностных основ. Думаю, я изложил свою точку зрения по поводу доклада.

